

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Бурдин

Теория Всего

От создателя Чисто-Чисто

Андрей Владимирович Бурдин

Теория всего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48827352

SelfPub; 2019

Аннотация

Зубодробительная история о бессознательном с неожиданной развязкой, написанная языком Чака Паланика и Леонида Агеева. Содержит нецензурную брань.

Теория всего. Часть первая. Глава первая

Меня зовут О'Брайн. Сержант О'Брайн. Когда ты служишь в полиции, у тебя нет имени. Как винтик огромной машины правосудия ты должен иметь индивидуальный номер. Если вы увидите меня на улице, знайте – мой номер семь пять четыре три один. Запомните эти цифры. Винтики огромных машин никогда не имеют имен. Только номера.

– Да, я только что видел, как высокий усатый полицейский средних лет выстрелил в чернокожего!

Запоминать номера проще, чем описывать внешность. Если несколько человек случайно увидят, как пять четыре три семь ноль вынес мозги какому-то драгдиллеру, их описания полицейского будут совершенно разными. Кто-то из них скажет, что у полицейского были белые перчатки, а кто-то, что у него на левой кисти была наколота татуировка змеи. Кто-то скажет, что из-под фуражки торчала длинная челка, а кто-то вспомнит, что у этого полицейского был до блеска выбритый череп.

– Это был афроамериканец! Вы что, он чистокровный ирландец, я совершенно точно его запомнил! Каждый из этих свидетелей будет уверен, что только он один говорит правду, а остальные ошибаются. Если начать составлять фоторобот подозреваемого по их отрывочным воспоминаниям, то в

результате окажется, что искать надо нескольких совершенно разных людей одновременно. Вот почему фотороботы так непохожи на разыскиваемых людей. Гораздо проще запомнить номера.

– Да, я видел, как девять три ноль пять семь только что выстрелил в чернокожего! Согласитесь, такое описание намного лучше. Имя и фамилия этого полицейского моментально выяснится, если ввести в полицейскую базу запрос с запомненным свидетелем номером.

Мой номер семь пять четыре три один. Меня зовут сержант О’Брайн. И, похоже, что я нахожусь в очень странном месте. Я думаю, это и есть пустота. Здесь нет ни пола, ни потолка, ни стен, и при этом я не ощущаю ледянящее чувство падения своего тела. И здесь нет света. И здесь нет эхо. Если вы спросите меня, сколько времени я нахожусь здесь, я не смогу ответить вам – когда я закрываю глаза и засыпаю, то проснувшись и открыв глаза, я вижу абсолютно идентичную картину того, что я видел до моего сна. То есть совершенно ничего. Я не испытываю чувство голода и мой мочевой пузырь не вынуждает меня срочно забежать в какую-то подворотню и расстегнув ширинку, с тяжелым выдохом облить ближайшую стену мочой, старательно уворачиваясь во время этого процесса от небольших бегущих ручейков, так и стремящихся попасть тебе под ботинки.

Меня зовут сержант О'Брайн. Мой номер семь пять четыре три один. По крайней мере, я прекрасно помню, где я находился за секунду до того, как оказался здесь. За секунду до этого места в трех метрах от меня человек в черной униформе, черном бронижеле и черной маске, скрывающей все его лицо, кроме глаз и рта, нажал на спусковой крючок своего Хеклера-Коха МП5К, бьющего лазерным целеуказателем прямо мне в лицо. У этого парня был особенный взгляд. Ледяной взгляд человека, готового даже отрезать голову младенцу, если ему прикажут сделать это. Что уж говорить о том, что бы ликвидировать полицейского.

Меня зовут сержант О'Брайн. Мой номер семь пять четыре три один. Сказать по правде, еще больше, чем постоянная пустота меня беспокоит то, что я не могу дотронуться до себя. Я чувствую свои руки, я могу сжимать их в кулаки и шевелить пальцами, но при этом я не могу дотронуться до себя. Сейчас у меня чешется нос. Что обычно делает человек в этом случае? Он делает, не задумываясь тоже, что и миллиарды других людей – определяет место, которое чешется, выбирает руку, которой удобнее почесать, подносит ее к своему лицу и чешет это место. Но в моем случае это не помогает. Хотя я делаю все тоже самое, на месте моего носа совсем ничего нет. Я не дотрагиваюсь до своего носа и губ. Там, где они должны быть, нет ничего. Автоматически

я двигаю свою руку дальше. Я двигаю руку дальше и снова ничего, хотя тут уже должен быть затылок. Судя по всему, я убит. Но когда тебя убивают, мир выключается, и ты не можешь ничего воспринимать. Мне рассказал об этом мой брат. Он второй врач в экипаже скорой помощи. Стоит ему выпить на три–четыре шота водки больше, чем обычно и он начинает рассказывать мне разные интересные истории.

– Свет и туннель – ни хрена этого нет. Я вытащил сотни людей, но про туннель говорят только те, кто считает себя христианином и ходит по воскресениям в церковь – говорит он и резко выпивает шот водки. – Все это выдумки – говорит он, отъедая от отрезанного лимона половину – что человек себе придумает, то он и увидит. Если человек ничего не придумал, то именно это он и увидит. Ничего.

Мы встречаемся с моим братом по пятницам. Он подходит после восьми в Однорукого Бандита. Хозяин Однорукого Бандита – Уилл, человек с одной правой рукой. Иногда Уилл рассказывает разные истории про свои татуировки на оставшейся руке.

– Я поймал пиковый флеш рояль и сорвал в тот вечер банк. Я раскрыл свои карты и весь банк стал моим. Я отдал комиссию и у меня осталось пятьдесят штук. Я пошел в первый попавшийся татусалон и оставаясь в этом состоянии,

наколел себе джокера. Так я поставил якорь на удачу. Стоит мне только вспомнить то чувство, когда машинка колола мое плечо, как мне снова начинает везти в картах. Не знаю, кто предложил ему такое название для его бара, но оно явно подходит. Мы всегда берем у Уилла водку. Финская, норвежская, шведская – вся она не идет в никакое сравнение с русской.

– Мы живем только до тех пор, пока работает наш мозг. Стоит ему перестать работать и ты проваливаешься в сон, из которого уже не проснуться – говорит мой брат и выпивает еще один шот. Обычно он начинает есть лимон после четвертого шота. И он никогда не ест кожуру лимона. По количеству обкусанных шкурок лимона в пепельнице можно легко узнать, насколько сильно наакался мой брат, если я вынужден прийти не ровно к восьми, а позже.

– Мне не нравится слово цедра – говорит мой брат – цедра похожа на молодую и грязную телку, которая сама захотела, что бы ее отодрали в первый попавшейся подворотне и через несколько минут в мире на одного инфицированного СПИДом стало больше. Уилл никогда не рассказывает, где он потерял вторую руку. Иногда он одевает кевларовую каску и кладет на барную стойку M16A2, распугивая своих посетителей, но для этого ему нужно выпить полторы бутылки текилы и в эту ночь должно обязательно быть полнолуние.

А еще иногда Уилл одевает шорты и тогда можно увидеть, что татуировками покрыта не только рука, но и ноги. Говорят, он иногда выступает на конкурсе самых татуированных людей, но не выигрывает из-за того, что на его лице нет татуировок. Покрывать свое лицо татуировками может только совсем безумный человек. А Уилл хоть и странный, но еще в своем уме.

Меня зовут сержант О'Брайн. Мой номер семь пять четыре три один. Если верить тому, что говорит мой брат, я еще жив. Я жив хотя бы потому, что я думаю. Да, я не могу дотронуться до себя, но я, по крайней мере, могу логически размышлять. Буддисты посчитали бы меня сейчас за сумасшедшего – они стремятся к состоянию отсутствия тела всю свою жизнь. Правда, я не буддист. По большому счету я мало верю и всяким религиозным проповедникам, выступающих на тридцать седьмом канале или регулярно появляющихся в огромных баскетбольных залах с искусными постановками излечения от страшных болезней третьесортных актеров, нанятых за несколько долларов. – Пожертвуй доллар на нашу церковь, брат мой! Он встал! Он пошел! Всего доллар, брат мой, всего один доллар! Он начал видеть! Брат, еще один доллар, брат, еще! Аллилуйя!

Реальный мир далек от того, к чему призывают нас проповедники. В реальном мире все совсем не так, как в инструк-

циях общественного транспорта. Слабые и старые должны уступать место молодым. Я не виноват в том, что так брезгливо воспринимаю заплывшие жиром бока старых брокеров, старательно посещающих тренажерные залы. Особым нюхом я чувствую исходящую от них вонь. Вонь людей, которые панически боятся умереть. Вонь людей, убедивших себя в том, что если они начнут заниматься спортом, то смогут протянуть намного больше. В глубине своего разума он прекрасно понимает, что это не спасет их в конечном итоге, но они продолжают врать себе, потому что у них нет выбора. Вкус кутьи во рту и ежемесячное созерцание покрывающегося трещинами надгробного камня – это последнее, что остается от человека. Можно плакать и дальше, зная, что выплаканые слезы ровным счетом ничего не изменят.

Реальный мир жесток. Все это прекрасно знают, но продолжают плакать. Вслед за теми, кого вы проводили, скоро отправитесь вы сами. Вы знаете это своим нутром. Человеческий организм не приспособлен для вечной жизни. Вы стареете с каждым днем, и с каждым днем вы все ближе подходите к краю собственной могилы. Это нонсенс – жить вечно. Правда, это не относится к той небольшой медузе, которую обнаружили в Карибском море. Каждый миллиардер отдал бы все свои деньги и залез бы в долги, если бы предложили ему пилюлю, продлевающую жизнь. Вы знаете, что этих пилюль пока нет. Все что у нас есть – лишь постоянно укора-

чивающиеся теломеры. Правда, это не относится к той медузе. Мне не особо верится, что после смерти я окажусь в раю. Даже если я не буду соблюдать заповеди, я все равно окажусь там же, где в конце концов оказываются все – всего два метра до поверхности земли, где единственными твоими собеседниками оказываются поедающие твое тело день за днем черви, прогрызшие стенки гроба из-за того, что ты уже начал разлагаться и вонь твоего тела начала просачиваться из деревянного ящика. Я не знаю, каким образом они узнают, что за стенкой гроба лежит уже разлагающееся тело. Оставьте мне свой имейл – когда я спрошу это у них, я обязательно напишу вам письмо с того света.

Я хочу дотронуться до себя! – наконец громко кричу я в пустоте. Моя рука, искавшая мое лицо в пустоте, моментально нащупывает нос. Я трогаю его. Я трогаю свой лоб, щеки, уши и волосы. Я трогаю себя за губы. Я дотрагиваюсь до своих глаз. Я дотрагиваюсь левой рукой до правой руки и трогаю правой рукой левую. Я трогаю себя за ноги. Я дотрагиваюсь до своего живота. Я дотрагиваюсь до своей спины. Я дотрагиваюсь до своих пяток. Я счастлив. Я могу трогать себя. Я жив.

Мы с братом ходим в Однорукого Бандита по пятницам. Моему брату повезло не больше, чем мне. Ровно через три года после свадьбы я развелся. Спустя три года это же повто-

рил мой брат. Мы разговариваем с ним в Одноруком Бандите о разных вещах. Мы делаем это из-за того, что мы братья. Нас научили родители делиться друг с другом. – Запомните, мы – клан – всегда говорил отец – мы всегда вместе, где бы мы не были. Он оказался прав – жить кланом лучше, чем чувствуя свое одиночество, рассказывать о своих сложностях психоаналитику или раскрывать свою душу уродам из тренингов по поднятию самооценки с идиотскими названиями вроде «неудачники, желающие изменить свой мир» или «снова стань мужчиной».

– Я видел ее – говорит мой брат и из его глаза вырывается маленькая слеза. Она стекает по его носу и с кончика беззвучно капает в шот с водкой – она шла с каким-то мужиком и улыбалась ему. Она улыбалась ему так же, как улыбалась только мне. Она увидела меня и посмотрела так, словно я старый ободранный пес, в которого нужно кинуть камнем.

Она делает это намеренно. Я знаю это, потому что частный сыщик, которого она специально наняла, что бы узнать маршруты движения моего брата, сам рассказал мне об этом. Он наш осведомитель. Бывшая жена моего брата делает все, что бы свести его с ума. Если она будет появляться каждый день перед моим братом, рано или поздно он не выдержит, возьмет мой пистолет, снимет его с предохранителя, вставит его в рот и нажмет на спусковой крючок, забрызгивая своей

кровью и кусочками мозга обои на стене. Если вы въезжаете в новую квартиру и видите в ней свежепоклеенные обои, вполне вероятно, что под ними можно будет найти не только следы чьей-то крови, но и застрявшую в стене пулю.

– Ты всегда должен чувствовать плечо своего клана – говорил отец. Я понимаю его. И я не хочу остаться без брата. Поэтому я двигаю свой стул ближе к нему – она всю жизнь будет делать тебе больно – говорю я ему и кладу свою руку на его плечо – тебе надо перестать думать о ней. Иначе ты сойдешь с ума. Он понимающе кивает. Он кивает, но не разрешит сделать с его женой то, что сделал я со своей. А я просто не хочу стоять над его могилой и молча смотреть, как землекопы кидают сверху на крышку его гроба лопаты только этим утром выкопанной вонючей земли, успевшей пропитаться трупами людей, разложившихся рядом. Я знаю эту боль. Боль, которая гложет моего брата. В мире существует лишь две настоящие боли – боль от того, что тебя предал близкий человек, и боль от того, что ты потерял близкого человека. Когда обе эти боли сливаются воедино, получается смертельный коктейль. Прочтите об этом в записках самоубийц. Все они попробовали его вкус.

В отличие от своего брата, мне хватило смелости отомстить. Есть много способов отправить человека на тот свет без обратного билета. Если у него есть машина, то вы може-

те сделать десятки различных взрывчатых веществ и сотни иницирующих устройств. С электронной начинкой – срабатывающих на распознавание голоса, распознавание мелодии телефона, распознавание топографии лица, изменения свободного объема кузова, распознавания джингла радиостанции в радиоприемнике, с химической начинкой – срабатывающие на изменение влажности внутри автомобиля из-за дыхания водителя, срабатывающих на определенную ноту в используемом этим человеком парфюме, срабатывающие на запах духов, срабатывающие на вечерний запах пота после тяжелого рабочего дня, с электрической или механической начинкой – срабатывающей на поворот ключа в замке зажигания, открывание двери, открывание капота, открывание багажника, изменение давления на кресле водителя, переключение коробки передач, поворота руля, включения поворотника, включения дворников, и даже счетчика определенного количества нажимов на педаль газа. Такие взрыватели гораздо интеллектуальнее, чем недорезанный до конца трос тормоза, рвущийся на скорости сто двадцать километров при входе в резкий поворот. Такие взрыватели интеллектуальнее подложенной в почтовом ящике гранате с выдерживающейся чекой при открывании дверцы ящика, или взрывателе, готовым инициировать основной заряд при простом снятии колпачка дезодоранта. Такие устройства гораздо интеллектуальнее, чем посланная на работу банальная корзина с онфетами, цветами или шампанским, на дне которо-

го тикает часовой механизм.

Если вы захотите годами смотреть на умирающего на ваших глазах человека, придите пораньше на работу и установите в его офисное кресло иголку от шприца, которую этим утром вводил в свою вену больной вирусом СПИДа. Кстати, вы знаете, почему в последнее время стало так много приходить на ваш телефон бессмысленных рекламных смс? Это делают специально для того, что бы самодельные бомбы с взрывателем, сделанным из мобильного телефона, в котором подключают провода к полюсам динамика, срабатывали не в то время, на которое рассчитывают террористы. Британские спецслужбы стали первыми, кто в качестве противомеры стали применять эти бессмысленные рассылки. Поэтому проявляйте свою фантазию и обводите вокруг пальца секретные спецслужбы.

– Джек – говорю я брату, кладя на его плечо свою руку – она будет страдать так же, как и ты. Через неделю у нее откажут почки и печень. Через две – печень и поджелудочная. Через три откажет пищеварительная система и мозг. А всего через четыре недели ее навсегда упакуют в деревянный костюм и она уже не сможет сделать тебе больно. Дай мне сделать это.

Зайдите в аптечный ларек и купите в нем три градусника.

Зайдите в другой ларек и купите еще три градусника. Не заходите в новые аптеки – в большинстве из них стоят камеры наблюдения – вы не должны попасть в их объектив. Наберите семьдесят градусников. Купите два флакона корвалола, хирургические резиновые перчатки и три шприца – пятерку и две двадчатки. Вылейте корвалол. Разбейте градусники. Дайте ртути собраться в одну большую каплю. Наберите ртуть в пятерку. Из пятерки вылейте ртуть во флаконы из-под корвалола. Наберите их целиком. Выбросьте пятерку. Наденьте на себя одежду, которую бы вы никогда не одели и купите черные женские колготки, но не покупайте сетчатые. Отрежьте от них одну ногу и выбросьте оставшуюся часть. Возьмите молоток и плоскую отвертку. Положите их вместе с чулком, двумя шприцами и флаконами ртути в непрозрачный полиэтиленовый пакет с логотипом известного супермаркета, работающего круглосуточно. Переоденьтесь, и не забыв о пакете, выйдите на улицу. Поймайте таксиста и скажите нужный вам адрес. Остановите такси в сотне метров от нужного вам автомобиля. Заплатите таксисту и попросите его подождать вас – скажите, если он подождет вас пять минут, вы набросите ему сверху две сотни. Выйдите из машины. Оденьте резиновые перчатки. Наберите ртуть в две двадчатки. Оденьте на голову чулок. Возьмите в руку молоток. Подойдите к автомобилю и сильно ударьте молотком по стеклу двери водителя. Вы должны разбить его, лучше всего с первого удара. Поднимите защелку двери откройте дверь.

Не обращайте внимание на сигнализацию – у вас есть ровно тридцать секунд. За тридцать секунд вы успеете сделать то, что задумали. И за тридцать секунд владелец автомобиля не успеет выскочить из кровати и спуститься на первый этаж. Едва проснувшись, человек не побежит по лестнице, а будет привычно ждать лифт, потому что у него в голове сработает рефлекс. А до этого он автоматически подойдет к окну, что бы посмотреть, что происходит с его машиной – а все это даст вам достаточно времени, что бы вы сделали задуманное. Воткните шприц в переднее сиденье водителя и выжмите в него немного ртути. Повторите, воткнув шприц рядом. Еще раз повторите. Трех– четырех выдавливаний ртути из шприца будет достаточно. На одно сиденье у вас есть ровно восемь секунд. Повторите тоже самое с другим передним сиденьем автомобиля. У вас осталось четырнадцать секунд. Бросьте шприц в пакет. Будет намного лучше, если вы перед этим потренируетесь на собственном автомобиле, используя вместо ртути воду. И не отставайте от графика. Залезьте в бардачок автомобиля. Вывалите все из него одним движением на сиденье. У вас осталось одиннадцать секунд. Бросьте несколько безделушек из бардачка в свой пакет. Лучше всего, если вы возьмете несколько дисков для магнитолы. У вас осталось шесть секунд. Возьмите отвертку из пакета и подденьте магнитолу. Попытайтесь ее вытащить. Повторите. На консоли должны остаться следы от отвертки – они– то вам и нужны. Все. У вас больше нет времени. Выскакивайте из

автомобиля и следуйте к ожидающему вас таксисту. Снимите чулок, перчатки и бросьте их в пакет. Скажите таксисту, что бы он отвез вас в любой ночной клуб рядом с набережной. Возле ночного клуба расплатитесь с таксистом, подойдите к набережной и выбросьте свой пакет в реку. Из-за молотка пакет быстро пойдет ко дну. Подойдите к клубу. Пройдите очередь и войдите в клуб. Купите билет и положите его в карман. Познакомьтесь с девушкой и отвезите ее к себе домой. Возьмите напоследок ее номер телефона. Это вам необходимо для алиби. Все. Через месяц человека не станет. Ставьте секундомер.

Утром он напишет заявление в полицию о краже со взломом. Полиция начнет расследование. Свидетели будут давать разные показания. Владелец автомобиля поменяет в тот же день разбитое стекло в сервисе и поедет на работу. Оставит машину на солнцепеке и уйдет в офис. Вечером вернется и сев в автомобиль, начнет вдыхать пары испарившейся за день ртути. Он встанет в пробке. И все это время будет дышать парами ртути. Вечером у него начнется небольшая головная боль. Он выпьет аналгин. На следующее утро он поедет на работу и встанет в пробке, продолжая вдыхать пары ртути. На работе его голова начнет болеть еще сильнее. Через неделю у человека начнет болеть все – от почек до легких. А он все не будет понимать, что с ним происходит. Он возьмет больничный. Пока доктора будут определять, в чем

дело, из-за накопившейся в нем ртути у него откажут почки. А ртуть продолжит свое дело. Через неделю у человека вслед за почками полетит щитовидка и поджелудочная. Врачи будут думать, но так и не догадаются о причине. А еще через неделю человека похоронят. Теперь вы можете вздохнуть с облегчением – вы наконец отомстили этому человеку. Забудьте обо всем и начинайте новую жизнь.

Воздух – громко говорю я. Мои легкие наполняются чистейшим воздухом. Если ты не дышишь, свежий воздух не будет поступать в легкие, и ты не сможешь выбирать из него кислород и отправлять его в свою кровеносную систему. Обычный человек может обходиться без воздуха всего несколько минут. Профессиональные ныряльщики могут обходиться без воздуха более десяти минут. Йоги могут находиться под водой несколько часов. А кашалоты, всю жизнь живущие в воде, могут обходиться без воздуха всего сорок минут.

– Человек гораздо более вынослив, чем кажется на первый взгляд – говорил наш отец – для того, что бы стать сильнее, нужно научиться переступать через собственный страх. Делай то, чего ты так боишься делать. Победи свой страх. Он научил нас многому. Но он ничего не рассказал о женщинах. Когда я спросил о них, он просто поднял плечи вверх и ответил – я мало что понял. Теперь я понимаю его – он был

прав и в этом.

– Нет – говорит мой брат – я не могу ее убить, она часть меня. Я слишком ее люблю, что бы убить ее.

Ему больно. Вдвойне. Ему больно, потому что она жива. Ему станет больно, если она умрет. Поэтому он не знает, что делать и от этого ему очень больно. Пока она жива, у него есть шанс вернуть ее. Но он знает, что она никогда к нему не вернется. Когда ты не можешь понять, что больнее, появляется третья, самая больная боль. Боль безысходности. Прочтите о ней между строк в тех самых записках самоубийц.

– Уилл – говорю я – еще две водки. Уилл понимающе кивает и поворачивается к нам спиной, дотягивается до Stolichnaya и берет ее в руку. Уилл поворачивается, ставит водку на барную стойку, берет два чистых ледяных шота, берет водку в руку и аккуратно разливает ее. Берет порезанные дольки лимона и одевает их на шоты. – Запиши – говорю я Уиллу. Уилл кивает мне. Я никогда не пью водку, если шоты не дерали в морозилке. Когда пьешь водку из такого шота, вкус водки намного смягчается. Ледяные стаканы – лучшее, что могли придумать бармены. Ты берешь ледяной шот в руки и он начинает примерзать к твоим пальцам. Ты делаешь глоток и шот примерзает к твоим губам. Водку и ледяные стаканы можно сравнить только с чашечкой утреннего

обжигаяще горячего кофе и сигаретой на балконе с видом на Лазурный Берег.

– Вода – говорю я. На меня начинает капать летний дождь. Я открываю рот и высовываю язык. На высунутый язык каплют капли дождя. Я убираю язык обратно и проглатываю капли, успевшие упасть на мой язык. Я соскучился по вкусу воды и теперь вспоминаю его заново. Мне становится лучше.

– В тот год я продал свою забегаловку – говорит Уилл – и убрался на Большой Барьерный Риф. Я был на одном из тех тысяч забытых островов, на которых никто никогда не живет, на которых даже изредка не увидеть чью-то плывущую яхту или пролетающий самолет. Я лежал в этой глуши и отдыхал от людей. Я перевернулся на живот и увидел, что вдалеке к острову кто-то плывет. Он еле греб. Я зашел в воду, и начал плыть к нему. А у него уже кончились силы и он пошел ко дну – Уилл ставит перед нами два шота водки. Мы заливаем их в свои желудки и ставим пустые шоты на барную стойку. Джек кладет в пепельницу шестую объединенную кожуру лимона. – Я нырнул, схватил его под водой за его волосы и дотащил его до берега – продолжает Уилл – я поставил его на песке так, как ставят телку, что бы отпялить ее сзади, и из его легких начала выходить вода. Он закашлял и начал дышать. Он оказался одним из тех миллионеров, которые решили пойти в кругосветное путешествие на своей

яхте. Его яхта ночью попала в ураган и пошла ко дну. Он чудом зацепился за кусок обшивки и продержался за него всю ночь. Утром он увидел остров и поплыл к нему. Он пообещал дать мне сто штук. Я расколочил ближайшую раковину и начал рисовать контур на своей руке. Я нарисовал на своей руке контур пальмы и острова. Так я поставил себе якорь на удачу. Когда через неделю я вышел с ним из банка, в моем кармане лежало сто штук. Я попрощался с ним и пошел в ближайший татусалон где по моему контуру мне набили остров с пальмой. Стоит мне вспомнить ту боль, которую я испытывал, нанося себе контур, всегда рядом оказываются люди, которым можно помочь и подрубить при этом бабла.

– Мне самому доводилось тонуть – говорит Уилл, наливая в два промерзших шота ледяную водку – до поверхности остается всего ничего, а ты не можешь доплыть до нее. И тебя начинает разбирать смех. Под водой смех совсем другой, чем на земле. Он смешнее. Вот она – поверхность, и вот он – ты. С каждой секундой дышать хочется все сильнее, но ты знаешь, что произойдет, если ты вдохнешь этот момент – ты наберешь в легкие воды и пойдешь ко дну. Поэтому ты не дышишь. Вода начинает светиться и ты оказываешься на дне колодца из света. Ты поднимаешь голову вверх и видишь свою жизнь со стороны. Вот ты заходишь в воду. Вот ты первый раз заваливаешь девушку на заднем сиденье старой тачки своего отца, а вот ты уже идешь первый раз в школу. Все

это происходит за несколько секунд. Лучше не отвлекаться на картинки, а продолжать плыть. Если ты сделаешь так, то ты выплывешь, а если отвлечешься, то через несколько дней водолазам придется разгонять большую кучу раков, с удовольствием пожирающих твое тело, что бы подцепить оставшееся от тебя железным крюком и вытащить на поверхность.

– Гравитация – говорю я. Под моими ногами из пустоты появляется земля. Я наконец-то чувствую привычную почву под ногами. Тоже самое испытывают вернувшиеся космонавты, находящиеся по полгода на орбите. Они заново привыкают ходить. Сначала их возят в инвалидных креслах для того, что бы их позвоночник снова смог привыкнуть к весу сидящего человека. Потом постепенно им помогают делать упражнения, укрепляющие организм и только потом разрешают встать. Здоровые, крепкие парни без единого изъяна, совершенные образцы тел, получить которых в качестве натурщиков мечтает каждая художественная школа, ходят с палками костылями, словно столетние деды. Их учат ходить вдоль стен, опираясь на специальные перила, и только потом они возвращаются к своему нормальному состоянию. Я делаю первый шаг, вытягивая перед собой руку, боясь наткнуться на что-то. Со стороны я выгляжу крайне смешно. Я выгляжу наверное так же, как слепой, от которого только что убежала собака-поводырь. Знаете ли вы, что перед тем как рассестся по своим местам в кабине ракеты космонав-

ты должны выйти из подъезжающего к ракете автобуса и облить заднее правое колесо автобуса своей мочой? Знаете ли вы, что в последний вечер перед стартом ракеты космонавты смотрят Белое солнце пустыни? Прошло пятьдесят лет, а они по–прежнему повторяют все то, что делал Гагарин перед своим полетом. Никто не хочет оказаться на месте тех, кто помочился на другое колесо или посмотрел другой фильм. Если сделать что–то не так, обгоревшие останки экипажа будут собирать в радиусе пятидесяти километров от места старта ракеты. А я по–прежнему иду, вытягивая перед собой руку. И я понимаю, чего мне не хватает.

– Свет – громко говорю я. Пустота вокруг меня заливается светом. Теперь я вижу, где я нахожусь. Я в бесконечной соляной пустыне, плавно растворяющейся в плывущим из–за преломлений света от горячего воздуха горизонтом. И в какую сторону я бы не посмотрел, я вижу одинаковую картину. Я вспоминаю, как нужно ходить. Мои мышцы, так же, как и мышцы космонавтов, учатся выполнять приказы, идущие из моего мозга. Мои шаги становятся тверже и уверенней. Я подпрыгиваю. Мои мышцы снова слушаются меня. В отличие от космонавтов, мне не приходится проходить длительную и мучительную реабилитацию.

– В тот день я просто ехал по шоссе, возвращаясь к своему бару от своей телки – говорит Уилл – сорок минут в одну

сторону, сорок минут в другую. Она была залетной, но мы схлестнулось с ней и у нас понеслось. В какое бы время я к ней не приехал, она всегда раздвигала свои ноги. Залетная телка, которая с удовольствием раздвигает ноги в любое время суток – не так уж и плохо. Я возвращался от нее утром, часов в восемь. Встал, оделся и пошел к машине. Она никогда не спрашивала, когда я появлюсь в следующий раз. Ты встаешь, одеваешься, уезжаешь на месяц, другой, возвращаешься а она не задает тебе вопросов – займет такую телку не так уж и плохо. Я ехал на скорости шестьдесят миль и перевалив за вершину холма, увидел два врезавшихся автомобиля, которые уже начинали гореть. Я вжал педаль акселератора в пол и оказался возле них через двадцать пять секунд. Красный мустанг шестьдесят шестого года и черный камаро шестьдесят восьмого. Они уже горели и из их баков лился бензин, разжигая огонь еще сильнее. В камаро ехали двое. Им было чуть больше тридцати. Высокий мужчина и женщина–блондинка. Их головы были проломлены ударом о консоль, потому что они наплевали на ремни. Внутри горящего красного мустанга кто–то еще был живой. Я видел, сквозь языки огня, как внутри машины кто–то мечется, пытаясь выбраться из машины. Дверь мустанга заклинила из-за того, что его кузов искорежился от встречного удара летящего камаро. Эту дверь пыталась открыть сидевшая внутри молодая телка. Я ударил своим тяжелым кованным сапогом по стеклу двери и выбил его, схватил девчонку за волосы

и выволок ее наружу. Едва я успел ее вытащить из машины и оттащить от ее машины, как огонь добрался до бензобака и мустанг рванул. Девчонка потеряла сознание. Я забросил ее в свой пикап и покатил к городу. Я доехал до больницы и отдал ее врачам. Они записали мой адрес. Через неделю в мою дверь постучали. На пороге оказалась та самая телка. В ее руке был бумажный пакет. Ей его дал ее отец. Она оказалась дочкой нефтяного магната. Она отдала мне пакет и в нем оказалось пятьдесят штук. Она спросила, как она еще может отблагодарить меня. Я сказал просто – отсосать. Эти тинейждеры. Ты смотришь на них как на детей, пока не понимаешь, что имеешь дело с молодыми акулами. В свои шестнадцать она сосала лучше всех вегасовских шлюх вместе взятых. Она отсосала мне так, что я до сих пор помню ее язык. В тот день я набил себе языки пламени на руку и на член. Так я поставил себе якорь на лучший блонд-джоб за свою жизнь. Если хотите, я могу показать вам свой татуированный член. Это я так, к слову, вы не подумайте, что я эксгибиционист.

Мы с братом берем свои ледяные шоты со Stolichnaya и выпиваем их до дна. Я перепробовал много русских водок. Stolichnaya лучшая из них. Не знаю, как Уилл достает ее, но она настоящая и на ней русские буквы. Еще два шота – говорю я Уиллу. Он кивает и снова поворачивается к нам спиной, протягивая свою единственную руку к стоящей на пол-

ке бутылке русской водки. В пепельницу падает очередная кожура лимона.

– День и ночь – говорю я. Перед моими глазами проносятся все тела Вселенной и данные о них. Их орбиты, периоды обращения и спутники. Двойные звезды, черные дыры и астероидные пояса, темное вещество, антивещество, солнечные ветры и скопления пыли – все то, о чем я никогда не знал, неожиданно за секунду становится простым и понятным. Прямо надо мной из ниоткуда появляется знойное летнее солнце. Через секунду оно заходит и на залитое звездами небо выплывает луна. Она огромная. Она висит как никогда близко ко мне. Я отчетливо могу рассмотреть все ее кратеры. До того, как первая рыба выбралась на сушу, луна была гораздо ближе к земле. С каждым годом гравитационные силы отрывают ее от земли все дальше. В один день луна оторвется от земли и она навсегда осиротеет, потеряв своего молчаливого спутника. Скучный лунный пейзаж разбавляют застывшие луноходы. Те, что смогли вернуться, хранят свои секреты в зоне пятьдесят один. Сотни журналов и газет всего мира регулярно пишут о ней и о том, что Большой Брат скрывает всю правду о маленьких зеленых человечках. Вся информация, гуляя ая по этим страницам, является плодом воображения больных на голову редакторов, пересмотревших в детстве звездных войн и ити. Информация об инопланетянах, прибывших с важной миссией с другого края все-

ленной является вымыслом. Сто процентов информации, гуляющей по СМИ – специальная утка, запущенная главными редакторами для достижения рейтингов и выполнения планов сбыта. Сто процентов. Почти сто. А один процент – то, что происходит на самом деле. Зайдите в гуглмарс. Взгляните сами на круглый туннель на поверхности Марса. Зайдите в гуглмун. Все аполло приземлялись в одном и том же квадрате. Посмотрите внимательно на этот квадрат. Зайдите на сайт NASA. Взгляните сами на фотографии, сделанные астронавтами на луне. Найдите на них следы, не принадлежащие астронавтам. Спросите русского космонавта Леонова о летающих тарелках. После приземления его не отправили в психиатрическую больницу. Один процент. То, чему можно верить.

– Океаны, моря, реки и озера – говорю я. Перед моими глазами в долю секунды проносятся данные о береговых линиях островов и материков, и структуры тектонических плит и уровни земной коры.

– Это было в одной из тех стран, где землетрясения происходят через день – говорит Уилл и ставит перед нами два новых шота – я пил, не просыхая, уже третий месяц. В поисках чего-то интересного я забрался так далеко от туристических маршрутов, что в деревнях, через которые я ехал наугад, местные жители не могли меня понять, потому что не

знали ни одного слова на английском, а я не мог понять их, говорящих только на местных наречиях. Я уже выезжал из очередной деревни, как неожиданно увидел стремную телку, начавшей голосовать, едва увидев меня. Она была настолько стремной, что могла бы выиграть чемпионат мира по стремности. Она была конопатой, в толстых очках и с кривыми зубами. Обычная европейская лохушка, бог знает как оказавшейся в этой дыре. Если бы я увидел ее где-то в Техасе, то тут же вдавил бы в пол педаль акселератора. Но здесь она была единственной, кто знал английский. Короче, я молча показал ей на кузов и она залезла в него. Я спросил у нее, пока она залезала в кузов, откуда она. Она оказалась немкой. Немки вообще самые странные – мы с Джеком берем шоты и выпиваем их – ты вроде бы думаешь, что они в кровати такие же, как и в немецких порнофильмах, а на самом деле тебе достается холодное бревно, не умеющее даже толком раздвигать ноги. Первыми романтиками как не смешно, были немцы. Странно, да, немцы и вдруг романтики? Но в принципе это похоже на правду, достаточно вспомнить про одного популярного в тридцатых годах невысокого немца в военной форме и со странными усиками, любившего вытягивать перед собой правую руку – говорит Уилл, убирая два пустых шота с барной стойки – Дрючить обычную немку примерно такое же удовольствие, как мастурбировать от скуки. За исключением шлюх. Они как раз такие, как в фильмах. Но найти среди них красивую шлюху также тяжело, как мне побе-

дить на выборах в конгрессмены – Уилл снова ставит перед нами два полных шота водки – короче, как только эта страшила залезла ко мне в кузов я еще глотнул из бутылки и снова нажал на газ. Бухать и ездить – были моими единственными развлечениями в той стране. Я только и делал, что смотрел на джунгли и бухал. Трех месяцев рассматривания джунглей и бухания достаточно, что бы ты захотел оказаться в центре бурлящего мегаполиса. Я проехал метров семьсот от того места, где взял ее, как вдруг все затряслось и что–то очень громко бабахнуло. Я тут же ударил по тормозам и вылез из тачки. Немка побледнела и молча показала мне рукой на деревню, в которой я только что ее подобрал. Я посмотрел и первый раз за три месяца протрезвел. Деревня и все, что было вокруг нее на пятьсот метров – все ушло под землю. Это называется тектонический сдвиг. Немка начала благодарить меня, за то, что я ее подобрал, а я достал нож и вырезал им на себе контур руля. Так я поставил себе якорь на то, что бы вовремя сваливать. Я достал карту, посмотрел на нее и поехал к ближайшему аэропорту, а немка продолжала благодарить меня и пыталась перевязать мою руку. Когда говорят восемнадцать часов подряд данке шён, может поехать крыша. В аэропорту она попросила подождать ее пять минут. Она пошла в банк и вернулась с двадцатью пяти косарями. Она отдала их мне и продолжала благодарить. Я наконец–то распрощался с ней, сел в самолет, и выйдя из него пошел в ближайший тату–салон, где мне по контуру набили руль.

– Растения – говорю я. Перед моими глазами мелькают все известные и неизвестные науке растения. Из земли на моих глазах начинают быстро вырастать трава. Через секунду она достают до моих щиколоток, а еще через секунду она достает по середины моей голени.

– Разницы между первыми животными и первыми растениями была такой же, как разница между двумя одинаковыми гамбургерами. Никакой – говорит Уилл и ставит на барную стойку два ледяных шота – это рассказала мне одна телка, которую я пялил в Небраске. Никто не знает, что именно происходило в том первичном супе. Были разные эксперименты, но все они так толком ничего и не сказали, кроме того что в нем могло что-то происходить. Эта телка преподавала в университете и с понедельника по пятницу ходила в строгом костюме и очках, а с вечера пятницы по утро понедельника тусовалась в самых грязных барах – Уилл берет в руку бутылку Stolichnaya и аккуратно льет из нее в промерзшие шоты – у нее было раздвоение личности. Ее клинило конкретно так, что каждая личность даже не знала о существовании другой. Если ты никогда не пялил телку с раздвоением личности, то многое потерял. Это очень смешно – пялить телку, которая орет, что хочет больше и жадно двигается, помогая тебе дрючить ее, а через секунду у нее что-то щелкает в голове, ее лицо моментально меняется и она начинает

орать испуганным голосом что бы ее спасли от насильника. Когда это случилось в первый раз, я подумал, что я спятил. Поэтому я дрючил ее только по пятницам и субботам. Каждую субботу я бухал и дрючил ее. Она ничего не помнила о том, что было неделю назад, и каждый раз я знакомился с ней заново. Но, фак, с ней стоило знакомиться заново каждую неделю, потому что дрючить ее можно было так, как ты только захочешь. Ты влепляешь ей мощную пощечинцу, а она смотрит на тебя, медленно облизывает верхнюю губу языком и говорит – это все, на что ты способен, цыпленок? Она просила, что бы я дрючил ее как самую последнюю шлюху. Я думаю, ее студенты обалдели ли бы, узнав, что их преподаватель биологии по выходным давала фору самой разгульной девчонки студенческого кампуса.

– Животные – говорю я. Фотографии всех живых существ проносятся перед моими глазами. Из травы начинает нестись трель цикад. Возле моей ноги появляется мордочка ящерицы. Я вижу как на травинку быстро взбирается божья коровка, расправляет свои крылья и взлетает. Я поднимаю голову. Высоко в небе летит стая лебедей. Я улыбаюсь. Уилл меняет мне пепельницу. Я по–прежнему курю пачку в день, а мой брат бросил. Джек бросил курить самым легким и самым коротким путем. Если вы хотите избавиться от панических атак, вы должны каждый день ровно по тридцать минут сидеть и бояться все то, что вас так беспокоит. Если си-

деть и бояться целенаправленно, то через две недели вы уже научитесь легко и безболезненно гасить в себе спонтанные приступы страха. Психиатры называют это метод тушения костра подбрасыванием в него большого количества дров. Джек поступил именно так. Он купил банку чистого никотина и вертикально опустил в нее три сигареты. Через неделю он достал сигареты и опустил их в банку оружейного масла. Еще через неделю он достал сигареты из масла и высушил их. Когда они высохли, Джек зажег большую церковную свечу и начал капать на сигареты расплавленным воском. Джек подкурил одну сигарету и тут же его начало рвать. Его рвало, а он продолжал курить сигарету. Его рвало, а он курил и курил. В общем, он вырубился через двадцать секунд, а когда пришел в себя, то уже не мог смотреть на сигареты. Это называется разорвать паттерн на отношение к сигарете. Он вызвал обратную реакцию. Теперь когда он берет в руку сигарету, его начинает страшно рвать. Если вы захотите бросить курить за минуту, спросите у Джека оставшиеся сигареты. У него осталось еще две. Вам хватит одной затяжки, что бы навсегда избавиться от курения. А я все еще курю. Я посчитал самоубийством курить тот чистый яд, что сделал Джек. Я курю две пачки в день. И у меня кашель. И у меня опухшее горло. У меня желтые зубы. У меня желтые пальцы. Что бы я не сказал, все обращает внимание только на сигаретный запах из моего рта. Даже если тереть их металлической щеткой, то можно протереть пальцы насквозь, а жел-

тизна не исчезнет. Я пробовал покупать пластыри и обклеивать ими свое тело. Я ходил в лабораторию и внимательно смотрел на то, как сигаретный беррилий излучать изотопы. Я смотрел, как альфа-излучение сгорающих сигарет на моих глазах заставляло сжиматься и почернеть листья цветка. Это шокировало меня настолько, что я снова доставал сигареты и затягивался что бы успокоиться. Все, к чему я пришел, это раз в месяц бегать по двадцать километров. На восьмом километре ты начинаешь выплевывать из уголков своих легких куски застоявшейся жидкости, пропитанной никотином. На двенадцатом километре твоя слюна становится светло-желтой. На восемнадцатом – белой. А на двадцатом из легких начинает идти кровь и ты начинаешь дышать легко и свободно. Делать так намного эффективнее, чем раз в неделю заходить в аптеку и покупать отхаркивающую микстуру.

– Мой брат – говорю я. Из ниоткуда появляется Джек. Мой младший брат. Я улыбаюсь ему. Он улыбается мне в ответ. – Хочешь холодного пива? – спрашиваю я своего брата – я бы не отказался – отвечает он. – Два холодных Будвайзера – говорю я. В моих руках появляются две холодные бутылки. Я передаю одну Джеку и открыв их, мы звонко ударяем бутылочными горлышками.

– В тот вечер он вошел в плотный туман. Я таскал по залу огромный поднос с бокалами шампанского на своем пле-

че. Постоянно таскать на себе такую тяжесть может привести только к одному – твои позвонки начнут смещаться и однажды они не смогут встать на место – говорит Уилл, ставя перед нами два очередных шота водки – когда такое случится, ты должен как борец, одеть специальный пояс, что бы удерживать позвонки на месте. Иначе ты не сможешь даже встать с кровати. Не знаю, как меня занесло, но я оказался на том корабле и как мальчишка носился между этими сморщенными денежными мешками, жившими на том атлантическом лайнере годами. Маршрут лайнера был просчитан на несколько лет вперед. Это был один из тех лайнеров, на котором можно купить каюту за несколько миллионов и полтора года не отрываясь смотреть в иллюминатор, глядя, как корабль делает очередное кругосветное путешествие. Идеальное развлечение для стариков, чья жизнь прошла на Уолл-стрит. Они только и делали, что плавали в бассейне, соревнуясь между собой в том, чье же тело более обвисшее. Только тогда я узнал о закономерности, что чем больше морщин на теле старика, тем больше денег на его счету. Он плывет в бассейне, рядом с ним красиво плывет очередная модель из списка десяти самых оплачиваемых моделей в мире, а ты должен в жару идти рядом с ним по бортику бассейна в форме, и стараясь не потеть, держать на своем плече двадцать литров разлитого ледяного шампанского.

У нас было два развлечения – ставить ставки на то, кто же

из них первым перднет на выступлении приглашенной звезды и дрючить топ-моделей. Я всегда ставил на одного из Рокфеллеров – однажды, когда выступала Лайза Минели, я сорвал на его бздохе пять косых – говорит Уилл и достает из морозилки два ледяных шота – Модели от скуки сами липли к нам. Когда они видели мое разтатуированное тело под белоснежной рубашкой, то начинали визжать от радости. В тот месяц мы бороздили Атлантику в районе Бермуд. Первым делом поднялся туман. Я заметил его, потому что находился в ресторане верхней палубы. Десятки старикашек ужинали, лениво посматривая на выступление очередной звезды. Они прилетали к нам на вертолете, выступали перед ними и могли полгода ничего не делать – старикашки башляли им от скуки гигантские суммы с шестью нулями. Очередная певичка начала заметно нервничать, потому что с каждой секундой погода становилась все хуже. Через несколько секунд в зале оказался первый помощник капитана и попросил спуститься всех в свои каюты. Всем стало ясно, что это только начало большого шторма. Эти старые пердуны стали вставать со своих мест и идти к лифту. В моем контракте был пункт о том, что я могу выйти из зала только тогда, когда уйдет самый медленный старикашка. Я стоял в зале и ждал, как вдруг корабль неожиданно начал разворачиваться боком к волне. Это не выдержал руль корабля и полетел напрочь. Тут же загорелась лампочка сигнала эвакуации с корабля. Нет ничего хуже того, чем неуправляемый корабль в шторм.

А пока я стоял и ждал старикашек, корабль все разворачивало боком к огромной волне. Она ударила нам прямо в борт и пробив стекла ресторана, прошла сквозь всю палубу. Она прошла сквозь ресторан и вместе со всеми людьми сбила меня с ног и подхватив, вышвырнула в океан через противоположный борт. Когда волна несла меня через ресторан, она бросила меня на лампочку и та расколовшись, глубоко вошла в мое плечо. Вместе с ней я оказался в открытом океане. Обернувшись, я увидел, что корабль дал огромный боковой крен и едва он начал выпрямляться от удара, как в его борт ударила еще она огромная волна. Корабль перевернулся верх дном и треснул пополам. Я видел, как из разломанного пополам корпуса выпадают старикашки из своих кают и ударяясь своими телами о разломанные перегородки, отскакивают от них. Когда ты оказываешься выкинутым в огромный океанский шторм, у тебя больше шансов выжить, чем у тех, кто находится в корабле. Главное – не попасть под гребень волны, иначе он утащит тебя на огромную глубину. Всплыть из воды, насыщенной пузырями воздуха невозможно. Рядом со мной оказался спасательный круг и я зацепился за него, что есть силы и тут же потерял сознание из-за задержавшегося болевого шока. Когда я пришел в себя, из моей руки все еще торчала лампочка и надо мной кружил армейский вертолет, из которого выпрыгивали маринсы в ластах, пытаюсь как можно быстрее добраться до меня. Я оказался единственным, кто спасся с огромного корабля. Уже на авианосце

я узнал, что корабль слишком близко подошел к бермудскому треугольнику и пропал с радаров, не послав сигнала мэй-дей. Тут же в этот квадрат были направлены реактивные самолеты с ближайшего авианосца для того, что бы разобраться, почему нет сигнала. Они ничего не нашли. В квадрат были направлены спасатели. Я лежал на своей кровати и слушал все это от одного морского офицера. Он оказался отличным парнем и был единственный, кто задал мне вопрос про татуировки. Выяснилось, что он изредка набивает рисунки своим друзьям. Он–то и набил мне на шрам от лампочки спасательный круг – так я поставил себе якорь на то, что бы выживать в любой ситуации – говорит Уилл и убирает выпитые нами шоты водки со стойки.

– Ты давно здесь? – спрашивает меня Джек и делает глоток из бутылки. – Не знаю – отвечаю я – кажется, что слишком давно. – И как здесь?– спрашивает он. – Здесь полная тоска и никаких развлечений. – Слушай, а давай сыграем в богов – говорит мне мой брат – наделаем людей и скажем им, что мы их боги. – Хорошая идея – говорю я – но телки должны ходить голыми. Джек понимающе смеется.

Я подхожу к ручью, беру в руки немного мягкой глины и начинаю лепить из нее человечка. Через пять минут человечек готов. – Оживи – говорю я. Он оживает. – Стань человеком. Он начинает расти и превращается в голого мужчину.

Мужчина смотрит на меня и говорит – Ты кто?

– Я был самым скромным парнем в своей школе – говорит Уилл – я бы так им и остался, если бы не моя одноклассница. Одна из тех телок, чьи богатые родители с детства приучают детей смотреть на всех свысока. Я был страшно в нее влюблен и боялся признаться ей в этом. А она ходила и все стебалась надо мной, как над последним лохом. Она была уверена, что я никогда не отважусь что– либо сделать в жизни. Однажды она перед всем классом сказала, что переспит со мной, если я отважусь сделать на себе татуировку что я – лох. Ни один нормальный парень не сделает подобного. А я сделал. Это был единственный способ доказать всем, что ты настоящий фрик. Я сделал это и на следующий день перед всем классом снял свою теннисную рубашку. Я снял свою рубашку и у всех отвисла челюсть. На моем плече красовалась надпись – этот лох отъебал Эбби Литтлгейт . С тех пор все и завертелось.

– Я тот, кто тебя создал. Я твой Бог – говорю я глиняному человечку – и у меня нет имени. Просто Бог. Ты человек и тебя зовут Адам. Ты должен слушаться меня, потому что я дал тебе жизнь – говорю я ему и перекладывая холодный будвайзер в другую руку, слышу как в кустах давится от смеха Джек. У Джека особенный смех. Его смех ни с кем ни спутать. Он заставляет тебя лежа на полу и угорая от смеха,

держат себя за живот, боясь, что он вот-вот не выдержит и порвется.

– Бог – говорит мне Адам, поворачивая голову и глядя на несущийся смех из-за кустов – а что мне можно делать? – Ты можешь делать все, что захочешь. Хоть на голове танцуй – мне все равно. Только не ешь вон те яблоки, а то сдохнешь – я показываю рукой на первое попавшееся дерево. Кстати, я думаю, скоро я сделаю тебе женщину. – Женщину? А что это такое? – спрашивает меня послушный глиняный Адам. – Ты увидишь и сам поймешь. – отвечаю я, подхожу к нему, сую в него свою руку и отламывая небольшой кусок его глиняного ребра, достаю из него руку. – Давай, завтра увидимся – говорю я ему, показываю пальцами пис и иду к кустам.

– Ну ты даешь – смеется Джек – я твой Бог. Такое не каждый день услышишь. Мы позабавимся сейчас с моим братом. Из куска ребра глиняного человечка мы слепим отличную телку. Мы лепим ее. Мы оживляем ее. И мы спорим. – Сиськи, сиськи должны быть другими – говорит мой младший брат. – Это же не Лола Феррари, сделай ей обычные сиськи, не маленькие и не большие, а то они будут свисать вниз. Сиськи должны стоять – говорит Джек. – Ладно – говорю я – можно и поменьше. – Задница, что у нее за задница? – спрашивает он – тебе что, действительно нравятся такие задницы? Это же не задница, это что – то совершенно другое. Если

она захочет сесть на стул, то ей потребуется два стула, вместо одного. – Слушай, лепи ее сам – отвечаю я суетящемуся Джеку – давай, вылепи из нее нормальную телку. Таковую, что бы с ней не стремно было появиться в каком-нибудь клубе.

– Я хочу чипсы – громко говорю я. моей руке оказываются принглы с укропом. Большая пачка. Я открываю ее и с наслаждением начинаю их есть и протягивая пачку брату, спрашиваю – не хочешь еще пива? Не откажусь – говорит мне Джек.

– Два холодных Будвайзера – говорю я. В моих руках появляются две холодные бутылки Будвайзера. Я протягиваю Джеку одну. Мы открываем их, бьем горлышками и делаем по глотку. Готово – через пять минут говорит мой брат – смотри. Я смотрю на телку. И, фак, у моего брата она получилась гораздо лучше. Таковую телку не стыдно поставить даже на обложку журнала. Мой брат слишком часто имеет дело с ними. Он реаниматолог, а девушка, которую он слепил, просто вылитая Кейт Мосс.

– В тот день все было как обычно – говорил мне Джек, вливая в себя очередной шот водки – мы носились по городу, как угорелые и сокращая путь, ехали через тот квартал, в котором живут одни звезды – говорит он и закусывает водку лимоном – как вдруг нам по радио сообщили, что бы мы

остались в нем. Молодая девушка перенюхала кокаина и выключилась. Мы были внутри того дома уже через две минуты. Перед нами лежала Кейт Мосс, из носа у нее текла кровь, а сама она была в отключке. Того парня, что позвонил, можно часто увидеть в таблоидах. Он со странно торчащими волосами и бренчит на своей долбанной гитаре. Он торчок – Уилл ставит перед нами еще два шота и мы тут же выпиваем их – когда мы вошли в дом то у нее уже не было пульса. Я расстегнул ее рубашку, что бы начать делать непрямой массаж сердца и потрогал ее за сиськи. Я потрогал их так, что бы хоть раз в жизни потрогать за сиськи Кейт Мосс. Не каждый день выпадает такая удача – потрогать ее за сиськи. Я начал делать ей искусственное дыхание. Кстати, у нее отличные губы. Можно только представить, что она ими вытворяет. Я запомнил вкус ее слюны, в ней еще оставались маленькие кусочки недовертого в десну кокаина. Знаешь, я думаю, если он узнает обо всем этом, то вместо благодарности за то, что я ее откачал, подаст на меня в суд – говорил Джек и повторил Уиллу жест налить еще. Уилл молча кивает и берет в руку бутылку Stolichnaya.

– Вот бы нам себе баб слепить? – спрашиваю я Джека. Давай зажгем сначала с этой – говорит Джек и показывают на слеplенную девушку – по-моему, она нормально у меня получилось. Он прав. К тому же, сейчас мы боги. И мы начнем дрючить эту слеplенную из ребра глиняного человека

девушку, похожую на Кейт Мосс.— Глубже – громко говорю я и девушка тут же пропихивает мой член в свое горло, преданно смотря мне в глаза, сжимая головку своими горловыми спазмами.

Уилл ставит перед нами еще два шота. Наш отец признавал только водку. – Водка – говорил он – вот выбор настоящих мужчин. Коньяк для пердунов, виски для фермеров, текила для мексиканцев а бренди для неудачников. Настоящий мужчина пьет водку. Я делаю так, как учил меня отец. Мой брат поступает так же. Мы слегка чокаемся своими шотами и залпом вливаем Stolichnaya в себя.

– В тот раз я был в Мексике – говорил Уилл – дело дошло до того, что в меня начали стрелять из револьвера. Я был пьян настолько, что решил отдрючить девушку местного бандита, сидящего в центре своих шестерок. Между нами проскочила искра, когда мы посмотрели друг на друга в первый раз. Она сидела рядом с этим папиком и смотрела на меня, а я сидел за барной стойкой и пялился на нее. Можно представить, что началось. Он был бухой, как и я. Он встал из-за стола и подходя ко мне начал вытаскивать свой револьвер из-за пояса. В такие минуты лучше оказываться где-нибудь в других местах, но я был здесь и смотрел как огромная воняющая туша в сомбреро двигаясь ко мне, целится мне в лицо. Он был в трех шагах от меня, когда начал палить.

Не знаю, почему, но все пули его шестизарядного револьвера прошли мимо меня. Он удивленно посмотрел на свой дымящийся револьвер. Я молча встал со стула, взял свою бутылку с барной стойки, подошел к нему и треснул ей по его сомбреро. Бутылка разлетелась вдребезги, мексиканец упал без сознания, а его дружки начали хохотать, как недорезанные. Под их смех я подошел к девушке, взял ее за руку девушку и повел ее в туалет, где она показала полный класс – сказал Уилл и поставил перед нами два ледяных шота – за мой счет.

Нас с братом разделяет всего три минуты. За это время можно пробежать километр. За три минуты можно выстрелить тысячу восемьсот патронов из автомата. За три минуты ракета-носитель выведет космический корабль в космос. Некоторым хватает трех минут, что бы начать и закончить половой контакт. За три минуты может произойти много чего. Например, можно родиться на три минуты быстрее своего брата и на всю жизнь получить клеймо старшего брата. А он, родившийся всего на три минуты позже – навсегда останется младшим.

Мы с Джеком сидим на большом камне и довольные, бухаем холодный Будвайзер. Только что мы отдрючили девушку, похожую на Кейт Мосс. Она сидит перед нами голая и при этом совершенно не напрягается. Сидит и смотрит на нас.

– Слушай, говорю я ей – тебя зовут Ева и мы будем делать это каждый день. Девушка послушно кивает мне – Да, а в перерывах между этим ты будешь тусоваться здесь с одним чуваком по имени Адам, я тебя познакомлю с ним сегодня. Он тоже человек, как и ты. – Хорошо – говорит девушка и хлопает ресницами.

– Я люблю малолеток – говорит Уилл – когда ты берешь малолетку, то можешь сделать из нее все, что только придет тебе в голову. С малолеткой ты не запариваешься. Ты можешь сделать из нее даже рабыню и засовывать ей в зад кубики льда за малейшую провинность, а она будет считать, что только так и должно быть – Уилл ставит перед нами два только что стоявших в морозилке шота – малолетки веселее телок, уже повидавших мир и успевших обрасти комплексами. Телки, повидавшие мир, скучны. Когда ты тусуешься с малолеткой, то сам становишься моложе. Малолетка готова бросить все в секунду и уехать с тобой хоть в Сомали. Покажите мне старую телку, которая готова поступить также. Я тут же всех перестреляю и заберу ее себе. С такой телкой будет не только весело, но и о чем поговорить в перерывах между дрючкой. Но таких телок просто нет в природе, поэтому мы и выбираем малолеток. Я не помню, сколько у меня было телок. Я не знаю, сколько у меня детей. Сколько бы их не было, мне плевать для них. Если однажды один из них появится в

дверях моего бара и крикнет мне – папа! – я тут же засажу ему своим сапогом по его яйцам. Мне меньше всего хочется менять свою жизнь. Так случается всегда, когда ты переходишь в тридцатник. А мне уже сорок семь. И впускать к себе какого–то засранца из Алабамы, чью мать я когда–то отдрючил, мне хочется меньше всего. Если все эти уроды выросли без отцов, то это их проблемы и они должны винить своих матерей, которые на деле только сидели сложа руки у окна и ожидая возвращения своего загулявшего мужа, вместо того, что бы моментально почувствовать запах жаренного и срочно начать что–то с этим делать. Телка, которая ничего не делает – это скучная для мужчины телка. Так что не надо винить нас, что мы такие плохие. Пусть они ничего не делают и дальше – говорит Уилл и наливает Stolichnaya в шоты. За мой счет – говорит Уилл и двигает к нам шоты. Мы берем их и тут же заливаем в себя.

Мы встаем с Джеком и идем отлить в ближайšie кусты. – Надо сделать что-то безумное – говорю я и достаю свой член из своих левайсов – как на счет того, что бы превратить этот мир в наш – спрашиваю я его и начинаю расстегивать свои инжинирид. – А не начнем ли мы бегать по кругу? Мы сделаем все тоже, что делали тогда и снова окажемся здесь – говорит мне Джек и расстегивает свою ширинку. – Может, лучше придумать что-то новое? – Например? – заинтересованно говорю я. – Ну, пусть они попробуют отказаться от яблок.

В этом случае все становится намного интереснее, сколько вариантов, какой размах творчества раскроется перед нами. Мы сможем обойтись без огромного количества боли, направленной в наши уши. Так просто скормить им яблоки и глядя сверху на бытовуху, смеяться, лежа на полу и держась за свои животы, что бы те случайно не лопнули от такой порции смеха. Попробуй ступить туда, где грабли отсутствуют. Давай пойдём туда, где все зависит от нас. Я зависаю.

Restart/ Мой брат начинает смеяться. – Видишь, как легко я подвел тебя к тому, что где бы мы не находились – говорит он – в любом случае все будет зависеть только от нас. И в том, что было, и в том, что будет. Попробуй подумать совсем иначе. Rfhvf ,jujd ghjtwbhetncz yf b[ltkf. Фак, я же в Модуляторе.

Теория всего. Часть первая. Глава вторая

В мире существует особый тип людей. Это те, кому надо жизненно необходимо отравлять людям кровь день за днем. Ладно, если бы они сразу намертво сжимали свои челюсти на шее, раз – и готово, нет, им приятнее смотреть, как вам становится все хуже и хуже с каждым днем, наблюдать, как в ваших глаза постепенно тает блеск жизни и из невозможного оптимиста вы превращаетесь человека, чью психику слишком поздно пытаться восстановить сильнейшими препаратами. Даже и не думайте, что вы сможете одолеть такого человека в диалоге. Это просто невозможно. Поэтому стоит hr-

менеджеру ошибиться и все, компания начинает идти прямо на дно. Вы слышали об мидлтонском эксперименте? В замкнутом социуме появление человека с психозом приводит к тому, что у здоровых людей тоже входят в это состояние. Говорят, что точно такой же результат дают аналогичные эксперименты с шизофренией. Любое малейшее отклонение в психике у одного человека в маленькой группе, и все – совершенно здоровые люди начинают сходить с ума. Официально считается, что психические заболевания не передаются воздушно-капельным путем и многих это успокаивает – ведь мне сумасшествие не грозит. Но вы же знаете, все, что называется официальным – не больше чем политкорректный ответ тем, кто задает слишком много ответов. Стоит такому человеку появиться ведущим на телеканале или, не упаси бог, стать политиком – и все, пол-страны можно смело ложить в больницу. Понимаете, все эти сумасшедшие ведущие и сумасшедшие зрители на заднем плане праймтаймовых передач – все они появились на наших телеэкранах не просто так. Все они – продуманные детали механизма по управлению социумом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.